

ЖУРНАЛИСТСКИЙ МИР ПЕТЕРБУРГА В КАРИКАТУРАХ ЖУРНАЛА «ДОБРЯК» (1882 Г.)

О. С. Кругликова

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 23 марта 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется отражение тенденций развития русской журналистики начала 1880-х гг. в карикатурах сатирического иллюстрированного еженедельника «Добряк» (1882 г.), выходившего в качестве приложения к журналу-газете «Гражданин». Исследование показывает, что в контексте консервативных взглядов издателя-реактора князя В. П. Мещерского основными мотивами карикатурного осмеяния современной ему журналистики были ее коммерциализация, появление нового типа журналиста, нацеленного на угождение публике и коммерческий успех, а также оторванность либеральной журналистики от нужд и чаяний простого народа.

Ключевые слова: «Добряк», «Гражданин», В. П. Мещерский, карикатура.

Abstract: the article analyses the reflection of the tendencies of Russian journalism in the early 1880s. in the cartoons of the satirical illustrated weekly «Dobryak» (1882), published as an appendix to the magazine-newspaper «Grazdanin». The study shows that in the context of the conservative views of the publisher-reactor Prince V. P. Meshchersky, the main motives for satire on contemporary journalism were its commercialization, the emergence of a new type of journalist aimed at pleasing the public and commercial success, as well as the liberal journalism's isolation from the common people's needs and aspirations.

Keywords: «Dobryak», «Grazdanin», V. P. Meshchersky, caricature.

Введение. Князь В. П. Мещерский, видный общественный деятель, журналист и издатель последней четверти XIX — начала XX вв., представитель консервативных политических взглядов и яркий полемист, в 1882 г. предпринял попытку обратиться к новому для себя формату журналистской деятельности: начал издание иллюстрированного сатирического еженедельника «Добряк». «Добряк» выходил как приложение к газете-журналу «Гражданин» и просуществовал всего год. Век «Добряка» был недолог, поскольку политические события 1882 г. мало располагали к расцвету журнальной сатиры: шаткое положение власти после царевубийства 1881 г. требовало поиска точек общественного единения, а не обострения противоречий, поэтому цензура была особенно строга в отношении задиристой политической полемики и карикатуры. Полемический тон всегда был свойственен публицистике Мещерского, его мнение о тех или иных политических вопросах чаще всего выражалось именно как ответ на высказывания или журнальные публикации его оппонентов. Это свойство в полной мере было присуще и новому изданию, отразившись не только в содержании его текстовой части, но и в иллюстрациях.

Можно смело сказать, что именно представители журнального мира Петербурга удостоивались наиболее пристального и постоянного внимания редактора-издателя «Добряка». Хотя журнал обращался к широкому кругу тем — не оставался в стороне

от обсуждения вопросов внешней политики, нападал на столичную бюрократию, вышучивал светские обычаи, роскошь и мотовство богачей и т.д. — но все-таки главным объектом карикатуры и эпиграммы сатирического еженедельника были представители журналистики. Осмеянию подвергались не только видные издатели либерального направления (А. А. Краевский, М. М. Стасюлевич), но и представители изданий с политически нейтральной позицией (П. Д. Боборыкин, О. К. Нотович, Г. Д. Гоппе), и даже издатель консервативного «Нового времени» А. С. Суворин. Не обошел вниманием «Добряк» и общую трансформацию журналистской профессиональной среды, новые черты журналистики 1870–80-х гг.: коммерциализацию, стремление к наживе, зависимость от требований невзыскательной публики.

Исследование. Роль и значение журналистской темы для издания Мещерского можно оценить уже по тому, что первый номер открывался карикатурой на А. А. Краевского. Изображение задумчивого Краевского с газетой Суворина в руках сопровождала надпись «А. А. Краевский редактор «Голоса» читает «Новое время» и считает». Рост влияния коммерческой составляющей на содержание журналистики вынуждал издателей с одной стороны, искать симпатий публики, расставляя содержательные приоритеты в своих изданиях в угоду ее потребностям, с другой — бдительно следить, насколько хорошо с подобной задачей справляются их коллеги по перу и одновременно конкуренты.

Рис. 1
Обложка первого номера журнала «Добряк»

Теме диктата коммерческого интереса над общественно-политической и литературной дискуссией посвящена также и карикатура, изображающая А. С. Суворина и Н. А. Лескова, которая была помещена во втором номере журнала. Писатель и редактор едут вместе в коляске, при этом Суворин сидит бочком, как-то неловко, а Лесков расположился вальяжно, развалившись. В этих обстоятельствах они ведут такой диалог:

Суворин: Что, брат Лесков, публика везет шибко, даром что глупа? А? «Новое время» штука хорошая.

Лесков: Так точно-с, Алексей Сергеевич, да только извините меня за мою дерзость, вы не изволите уметь сидеть, надо в коляске сидеть вот так, развалившись.

Суворин: Знаю, да боюсь встретить нигилиста, пожалуй, примет еще за консерватора.

Лесков: Эх, Алексей Сергеевич, Новое время тем и хорошо, что коли есть деньги, плюй на всех».

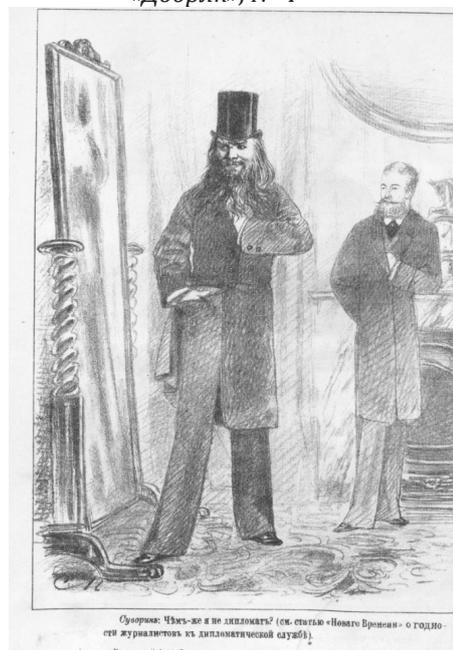
Мещерский, впрочем, подозревал Суворина не только в стремлении к наживе, но и в честолюбивых замыслах использовать свою журналистскую деятельность как ступень в построении широкой политической карьеры. В начале января «Новое время», передавая известие о том, что знаменитый французский журналист Жан-Жак Вайс по распоряжению Гамбетты занял пост директора департамента иностранных дел Франции, высказалось о том, что публицистическая деятельность, направленная на освещение вопросов международной политики, может стать хорошей школой для подготовки специалистов дипломатического корпуса. Это высказывание привлекло внимание официоза российского министерства иностранных дел — франкоязычной

газеты Journal de St.-Petersbourg, которая предложила считать высказывание газеты Суворина не более чем шуткой. Вовлечение журналистов в дипломатическую работу, по мнению Journal de St.-Petersbourg, было решительно невозможно из-за двойственности их положения: печать, претендуя на полную независимость от правительства, не может одновременно являться выразителем его позиции в международной политике.

«Новому времени» пришлось разъяснять своим читателям, что мысль, высказанная по поводу дипломатической деятельности Вайса, была истолкована их оппонентами превратно: «Во-первых, французская газета несправедливо приписывает нам совет не брать дипломатов иначе как из публицистов, во-вторых, не может быть и речи о соединении обязанностей редакторов независимых изданий с обязанностями официальных дипломатов... Мы только указывали, что для многих дипломатов было бы полезнее поработать несколько лет в серьезном политическом органе, нежели фигурировать на плац-парадах или в полусвете» [1]. Этот журнальный диалог привлек внимание Мещерского, который в «Добряке» решил высмеять Суворина, приписав ему непомерное политическое честолюбие: карикатура, помещенная в 4-м номере журнала, изображала Суворина самодовольно красующимся перед зеркалом во фраке и цилиндре с припиской «Чем же я не дипломат?»

Рис. 2

«Добряк», № 4

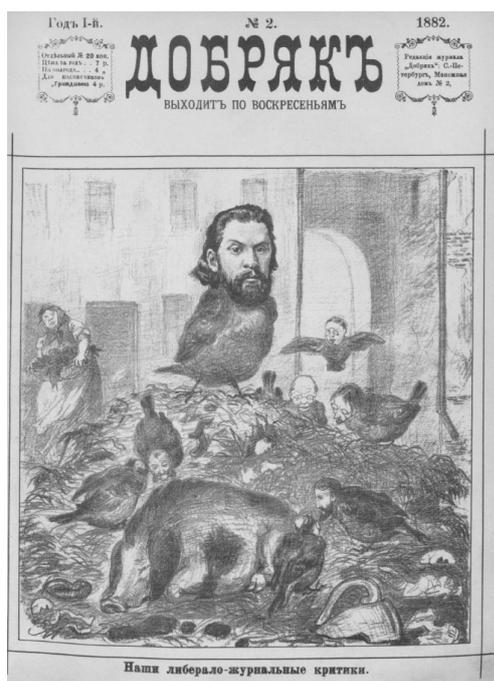
В 1880-е гг., став полноправной частью новых для России экономических отношений, пресса превратилась и в удобный плацдарм для социального старта людей, не отягощенных принципами и глубокими научными или философскими познаниями, совершенно чуждых того мессианского пафоса, которым была

проникнута журналистика начала и середины XIX в. Журналистская профессия на рубеже веков, наряду с традиционными образами публициста-борца, идейного лидера или отважного издателя, рыцаря идеи, противостоящего цензурному гнету, представляет нам новые общественные типы — пройдоху-репортера, перебивающегося мелким журнальным заработком, надоедливого и беспринципного, и крупного авантюриста, сумевшего поймать журнальную fortuna и сделать карьеру. Журнал Мещерского в сатирической форме подмечает эти приметы времени, указывает на то, что путь в журналистику теперь открыт не только для людей, ищущих общественного служения, но и для тех, кто руководствуется совершенно иными мотивами.

Эта идея раскрывается, в частности, в карикатуре, открывающей 2-й номер журнала. Она изображает огромную свинью, мирно дремлющую посреди кучи отбросов, и слетевшихся к этой куче в поисках пропитания мелких птишек, у которых, впрочем, вместо птичьих голов человеческие лица, отличающиеся очевидным внешним сходством с деятелями современной Мещерскому журналистики. В окружении почивающей хавроньи, которая, вероятно, олицетворяет собою невзыскательную читающую публику, можно предположить О. К. Нотовича, П. Д. Боборыкина, Г. Д. Гоппе, хотя подписей, позволяющих однозначно идентифицировать персонажей, под карикатурой нет: очевидно, издатель считал, что его современникам-читателям нетрудно будет на основании портретного сходства угадать знаменитых деятелей своей эпохи. Издатель ограничивается лишь общей подписью «Наши либерало-журнальные критики».

Рис. 3

Обложка второго номера журнала «Добряк»

Разворот второй и третьей полосы 23-го номера «Добряка» представляет собой серию графических миниатюр, объединенных общим сюжетом, под названием «Маленькая история». Словесное изложение ее представлено так: «Побитый где-то ищет общественного положения». Встречает корреспондента «Голоса», который советует ему: «Поступай в корреспонденты новой петербургской газеты. Настрочи, пошли и готово... Твое положение обеспечено». Послушавшись совета, побитый сделался корреспондентом, стал завсегдатаем клуба города К. В клубе он, не стесняясь, угощается, а затем отказывается платить по счету, угрожая буфетчику: «Я — Корреспондент, я не плачу, а будешь приставать — опишу». Призванный буфетчиком служитель порядка вышвыривает горе-журналиста из клуба со словами: «Мазурик ты, а не корреспондент».

Эта публикация иллюстрирует интересные жанровые особенности карикатуры в «Добряке». Во-первых, это довольно часто используемая форма комикса — графического повествования из нескольких сцен, в которых диалоги героев или пояснения к изображенным ситуациям даны текстовыми репликами. Во-вторых, это использование сквозного типического персонажа, который, с одной стороны, не имеет портретного сходства с каким-то конкретным узнаваемым деятелем современности, с другой — весьма узнаваем именно как социальный тип, благодаря характерным чертам внешности и деталям костюма, таким, как длинные неопрятные волосы, клетчатый плед и помятая шляпа. «Длинные волосы, нахлобученная таинственно на глаза шляпа с широченными полями и иногда — верх щегольства — плед и очки» [2, 265], — так описывает В. А. Гиляровский модный костюм учащейся молодежи пореформенной России.

Этот обобщенный образ интеллигента новой формации неоднократно находил свое отражение в художественных произведениях эпохи. Пожалуй, одним из наиболее ярких его воплощений является знаменитая картина Н. А. Ярошенко «Студент». Разнообразные трактовки образа, представленного на полотне Ярошенко, сегодня уже составляют практически самостоятельное поле культурологического дискурса, но независимо от того, видим ли мы в герое картины Родиона Раскольникова, или народовольца, скрывающего под пледом бомбу, или обобщенный образ духовных исканий русской интеллигенции и жажды социальной справедливости, мы отчетливо ощущаем, что этот персонаж пронизан какими-то высшими стремлениями, независимо от того, готовы ли мы эти стремления разделять или осуждать. Если в картине передвижника типические внешние черты, сочетаясь с позой, выражением лица, пронизывающим взглядом персонажа, создают, безусловно, возвышенный образ,

то те же самые элементы в компоновке карикатуристов «Добряка» формируют очевидно сниженный, гротескный, комический характер героя. Любопытным представляется хронологическое сопоставление: картина Ярошенко впервые экспонировалась в 1881 г. или в начале 1882 г., вызвала широкий резонанс и обсуждение в печати, т.е. стала популярна именно в то самое время, когда публиковались указанные карикатуры «Добряка», что создавало как бы художественный диалог, а вернее, диалог социально-политический, но воплощенный в художественную форму.

Рис. 4

«Добряк», номер 16, полоса 4

Упомянутый карикатурный персонаж — один из наиболее часто появляющихся на страницах «Добряка», и необходимо отметить, что он практически никогда не представлен отдельно, а непременно сочетается с карикатурным изображением А. А. Краевского или упоминанием его ежедневной газеты «Голос». Формируя эту устойчивую смысловую связь, Мещерский стремился укрепить в сознании читателей мысль о том, что именно деятельность либеральной прессы, лидером которой он считал Краевского, породила этот социальный тип и присвоила ему весомую роль в общественно-политической жизни России.

Этой теме посвящен целый разворот третьего номера «Добряка». На двух полосах журнала даны картинка с симметричной композицией. Слева изображена мрачная темная улица, по которой уныло бродят, слепо натываясь друг на друга, нигилисты и нигилистки — юноши и девушки в очках, шляпах и пледах. Солнце в правом верхнем углу с надписью

«Голос» закрыто черным кругом — затмение. На полосе справа солнце уже снова сияет — в ореоле его лучей лицо Краевского, проливающего свет на публику внизу, которая от радости пускается в разнузданную пляску. Подписи под картинками: слева — «И бысть мрак», справа — «И бе свет». При этом Мещерский сопровождает всю композицию указанием на конкретную статью «Голоса», обращение к которой должно раскрыть читателю полноту смысла помещенного изображения.

Передовая «Голоса» от 6 января 1882 г. — первая публикация газеты после цензурного взыскания, которое постигло издание в августе 1881 г. «Голос» был приостановлен на шестимесячный срок [3], но по прошествии только части обозначенного периода цензурная кара была смягчена, и по распоряжению министра внутренних дел от 4 января 1882 г. газете разрешили выходить за 20 дней до истечения срока приостановки. По этому поводу Краевский писал, что с благодарностью принимает дарованное ему разрешение обратиться к читателям раньше установленного срока и не намерен далее говорить об обстоятельствах, при которых газета была приостановлена: «Обстоятельства после потрясающего события 1 марта были вообще так чрезвычайны, что приостановка «Голоса» среди этих событий явилась лишь эпизодом, важность которого мы не намерены преувеличивать» [4]. Начав статью с утверждения необходимости социальной консолидации, Краевский обозначает главную роль печати: «внести начало согласия и мира в наше глубоко разъединенное общество». Однако далее на протяжении всей объемной передовицы, не вместившейся на первой полосе и занявшей большую часть следующей страницы, Краевский с многочисленными повторами, настойчиво ограждает от нападок именно образованную часть общества, интеллигенцию, которую в это время модно было противопоставлять народу и обвинять в отрыве от национальных корней. «Уже одна мысль о возможности практического противопоставления «народа» «не-народу» способна леденить кровь», — пишет Краевский. Обвинение новой интеллигенции в отрыве от народных чаяний и идеалов было традиционным мотивом творчества как консервативных публицистов вообще, так и Мещерского в частности, поэтому такая последовательная защита Краевским интересов этой общественной группы, безусловно, задела издателя «Добряка». В описанной выше карикатуре, таким образом, Мещерский обыгрывает как сюжет с возвращением «Голоса» к публике после приостановки, так и мотив радости его читателей — той самой части общества, которая была «оправдана» в передовице газеты и обрела в лице редактора своего защитника.

Краевский на протяжении всего издания «Добряка» будет самым частым персонажем карикату-

«Добряк», номер 29, полоса 4

ры, и всегда его деятельность будет высмеиваться именно в аспекте противопоставления «народа» и «не-народа» — интеллигента-разночинца. Краевский показывается деятельным покровителем «новой интеллигенции», дающим приют ее представителям на страницах своих изданий и пестующим юные дарования. В 46-м номере «Добряка» Краевский изображен в виде воробья, который сидит на краю большого гнезда с последним номером «Голоса» и с отеческой заботой «кормит» своими статьями многочисленных птенчиков.

Миссия издателя «Голоса» как патрона новой русской интеллигенции высмеивается Мещерским с помощью любопытного акцента: карикатурному типу лохматого пройдохи в очках и плеле приданы такие черты, как высокомерие, самодовольство и одновременно хитрость и угодливость. На картинке, помещенной на первой полосе 23-го номера «Добряка», Краевский изображен в своем кабинете беседующим с новым сотрудником газеты, который слушает его, глядя надменно, свысока ухмыляясь. Очевидно, он ни в малой степени не разделяет тех общественных идеалов, к которым влечет его покровитель, а нацелен только на то, чтобы через это покровительство поудобнее устроиться в жизни. В 16-м номере журнала Краевский изображен канатоходцем, балансирующим над пропастью, в то время как «новый интеллигент» удобно устроился у него на закорках. Подпись к карикатуре гласит: «Редактор-издатель «Голоса» с бременем интеллигенции на плечах в своих ежедневных представлениях».

При этом классическому национальному типу, собственно «народу», олицетворенному в мужике-крестьянине в традиционной мужицкой одежде и с неременной окладистой бородой, Краевский всегда нарочито противопоставлен. Как правило, в таких изображениях фигура Краевского дается комически уменьшенной — петербургский редактор выглядит лукавым карликом на фоне добродушного исполина в рубахе и лаптях. В 29-м номере помещена карикатура, на которой огромный крестьянин держит на ладони крохотного Краевского и от лица народа просит его: «Ну-ка, сболтни чего-нибудь по забавнее!» Так же, как на забавную игрушку, смотрят на маленькую фигурку издателя «Голоса» и мужики, окружившие его на карикатуре в 28-м номере, подписанной: «Шествие Краевского в народ для проповедования культуры».

В целом на страницах «Добряка» повторяются в новой иллюстративной форме характерные для всего творчества Мещерского мотивы обвинения петербургской журналистики в готовности угождать невзыскательной публике, заискивать перед либеральной общественностью, в оторванности как популярных журналистов, так и их читателей от истинных интересов и нужд народа.

Заключение. В последней трети XIX в. «тип еженедельного сатирического журнала с карикатурами представлял уже общемировое явление» [5, 54], поэтому Мещерский, ориентируясь на коммерческий успех иллюстрированного еженедельника А. Маркса «Нива» [6], предполагал, что сатирическое приложение будет способствовать оживлению читательского интереса к его главному издательскому проекту — газете «Гражданин». Несмотря на то, что на два издания объявлялась отдельная подписка, подписчикам «Гражданина» приложение обходилось в 4 рубля в год, т.е. почти в два раза дешевле, чем при отдельной годовой подписке только на журнал «Добряк», стоивший 7 рублей. Однако «Добряк» не только не повторил коммерческого успеха «Нивы», но и не повлиял в положительном смысле на популярность «Гражданина».

В издательской судьбе «Добряка» негативную роль сыграли два обстоятельства. Одна из причин провала журнала (а провалом этот проект справедливо считал даже сам издатель) была в отсутствии широкого круга сотрудников и, следовательно, в постоянно ощущавшемся недостатке материала. Мещерский сетовал, что хорошие художники «разобраны между прежними изданиями, а новых нет; приходится довольствоваться посредственностями, а это не то» [6, 1], а у него самого, как редактора и практически единственного автора сразу двух изданий, «не хватает времени и головы» на то, чтобы обеспечить высокий уровень публикаций. Кроме того, по утверждению князя, журнал подвергался постоянному давлению со стороны цензуры [7].

Однако основной причиной неуспеха обоих издательских проектов князя Мещерского был, безусловно, содержательный диссонанс с ожиданиями аудитории. И полемический пафос основных публикаций «Гражданина», и сатира «Добряка» были направлены прежде всего против либеральной идеологии и ее носителей как во властных структурах, так и в журналистике. А между тем основная часть образованной публики, составляющей читательскую аудиторию любых издательских проектов этого периода, была привержена именно либеральным идеям и не желала способствовать материальному успеху изданий своих оппонентов, оформляя подписку или приобретая их в розницу. Парадоксальность ситуации заключается в том, что издания Мещерского при этом, несомненно, находились в самом центре журнальной жизни и полемики. Исследователь М. М. Леонов, проанализировав архивы библиотек, пришел к выводу, что «Гражданин» обладал едва ли не рекордным показателем запросов со стороны абонентов [8]. Либеральный читатель желал «знать врага в лицо», поэтому старательно прочитывал издания Мещерского, не вступая в число подписчиков. Так что «Гражданин» при формально низком тираже и коммерческом неуспехе обладал

в действительности довольно широкой читательской аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое время.— 1882.— № 2101.— 3 (15) янв.
2. Гиляровский В. А. Студенты / В. А. Гиляровский // Москва и москвичи.— М., 2016.
3. Биюшкина Н. И. Законодательство о периодической печати в период правления Александра III / Н. И. Биюшкина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.— 2011.— № 1.— С. 303–308.
4. Голос.— 1882.— 6 (18) янв.
5. Голиков А. В. Проблемы источниковедческого изучения политической карикатуры (вторая половина XIX — начало XX в.) / А. В. Голиков // Вестник Московского университета. Сер. 8. История.— 2011.— № 4.— С. 51–71.
6. Мещерский В. П. Письма к императору Александру III, 1881–1894 / В. П. Мещерский.— НЛО.— 2018.— С. 14–15.
7. Добряк.— 1882.— № 29.
8. Мещерский В. П. Дневники / В. П. Мещерский.— СПб, 1883.— С. 317.
9. Леонов М. М. Салон В. П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. / М. М. Леонов.— Самара, 2009.

*Санкт-Петербургский государственный университет
Кругликова О. С., кандидат филологических наук, доцент
кафедры истории журналистики
E-mail: kruglikova@spbu.ru*

*St. Petersburg State University
Kruglikova O. S., Candidate of Philology, Associate Professor
of the History of Journalism Department
E-mail: kruglikova@spbu.ru*